

Завершая обзор изданий Фонда изучения наследия П.А. Столыпина, можно заключить, что изданная Фондом серия фундаментальных документальных публикаций, содержащая огромный массив источников, дает реальную возможность исследователям начать качественно новый этап изучения деятельности одного из крупнейших российских государственных деятелей – П.А. Столыпина.

Фонд ведет активную работу по организации конференций и круглых столов, посвященных жизни и государственной деятельности П.А. Столыпина; распространяет изданные книги, проводит их презентации; инициирует конкурсы творческих работ школьников и студентов; активно участвует в научных мероприятиях, связанных с изучением деятельности П.А. Столыпина.

В 2010 году по инициативе Фонда был подготовлен Указ Президента Российской Федерации, предусматривающий празднование 150-летия со дня рождения П.А. Столыпина в 2012 году на государственном уровне. Распоряжением Правительства РФ был создан организационный комитет, который возглавил Председатель Правительства В.В. Путин. Президент Фонда П.А. Пожигайло, председатель ученого совета Фонда В.В. Шелохаев, исполнительный директор К.И. Могилевский вошли в состав оргкомитета.

А.А. Иванов, А.Г. Иванов
Марийский государственный университет

МОБИЛИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДЕРЕВНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В составе материалов делопроизводства государственных учреждений и народнохозяйственных ведомств России, научных и краеведческих учреждений в первые годы после установления Советской власти исключительное место занимают комплексы анкет (опросных листов), посвященных самым различным объектам исследования и обычно рассматриваемым в литературе как наиболее оперативный инструментарий для изучения ситуации в той или иной сфере деятельности или положения на местах. Масса первичных описаний была посвящена аграрным преобразованиям, но информативные

возможности подобных источников применительно к дореволюционному периоду охарактеризованы в меньшей мере [1]. Частично эта работа была проведена по «горячим следам» прошедших событий и в публикациях по отдельным территориям. Речь идет, прежде всего, о наименее изученном разделе документального комплекса «Анкет о формах современного землепользования», разработанных Отделом земельной статистики ЦСУ РСФСР в 1922 году [2; 3; 4].

В фонде ЦСУ Российского государственного архива экономики отложились подлинники опросных листов и первичные расчеты по 34 губерниям и областям европейской части страны. По отдельным губерниям общее количество анкет заметно варьировалось. По Поволжско-Уральскому региону диапазон включал от 12 анкет, поступивших из Симбирской губернии, до 72 по Вятской губернии. В среднем же этот показатель составлял 35–50 первоисточников (Пензенская губерния – 49, Самарская – 33, Уфимская – 40, Марийская АО – 37 и т. д.) [3; 5, д. 481, 485–487].

Каждая анкета была разделена на 21 пункт и 75 приходящихся на них вопросов. Вопросы не были пронумерованы как самостоятельные. Их количество на один пункт колебалось от одного до семи. Большинство вопросов были открытыми, т.е. отдавали инициативу в ответах самим так называемым добровольным корреспондентам (доброкорам), но многие из них сопровождались дополнительными и наводящими подвопросами.

Общая номенклатура тематических блоков опросных листов представляется в следующем виде: размеры населенного пункта, бывшая сословная принадлежность и этнический состав местного населения (п. 1–3); наделное землевладение в количественном отношении и «купчие» земли до 1917 года (4–5); помещичье и прочее «нетрудовое» землевладение до 1917 года (6); перераспределение между крестьянами помещичьих, хуторских и отрубных, купчих земель в послереволюционный период (7–10); характер и способы эксплуатации наделных земель до 1917 года (11); участковое землепользование до 1917 года (12–13); земельные переделы после 1917 года (14–15); отношение крестьян к «современному» порядку землепользования и способам его рационализации (16–17); землепользование и организация сельскохозяйственного производства в послереволюционных хуторах и отрубях (18–19); аренда земли (20); личное мнение о существующих земельных отношениях (21).

Таким образом, информативные ресурсы источника о дореволюционном землевладении, а соответственно, и мобилизации земельной собственности в рассматриваемый период напрямую связаны с возможностями определения специфики последнего в зависимости от прежнего сословно-социального статуса сельского населения и в определенной степени от его этнической принадлежности.

Остановимся на некоторых наиболее существенных моментах этих процессов.

Пункт четвертый опросного листа, посвященный надельному землевладению сельского населения в дореволюционный период, предполагал раскрытие трех показателей: общей площади надела описываемого селения, размера душевого надела и количества «душ». Наиболее оптимальным в источниковедческом плане из перечисленных показателей является определение размера душевого надела. В среднем по европейской части РСФСР эта цифра составила 2,6 десятины, столько же (по классификации Я. Бляхера) в Средневолжском районе и 5 десятин в Приуральском районе (колебания по восьми районам в целом от 1,1 до 5 дес.) [2, с. 133]. Однако средние показатели для рассматриваемых территорий могли существенно различаться в пределах каждого из административно-территориальных образований не только в масштабах губернии, но и уезда и волости. Так, в четырех анкетах по Бирскому уезду Уфимской губернии были зафиксированы следующие размеры душевого надела до революции: село Бураево Бураевской волости (татары, бывшие государственные крестьяне) – 2 дес., деревня Аскино Аскинской волости (переселенцы-белорусы) – 7,5 дес., село Байгузино Байгузинской волости (татары-«крестьяне») – 0,5 дес., дер. Старая Орья той же волости (марийцы-«крестьяне») – 1,0 дес. [3, с. 263–264; 5, д. 487, л. 482–490об.]. В другом уезде названной губернии – Белебеевском (10 опросных листов) – размеры душевого надела колебались от 1 до 173/4 дес. Причем по некоторым селениям сведения даны не были, т.к. земля была распределена ранее «по состоянию домохозяев» на «банковских» землях, т.е. этот показатель различался у каждого двора, как в деревне Островец Нигматуллинской волости. Но и это не все. Душевые наделы могли различаться и внутри населенного пункта. В селе Заитово Заитовской волости у «башкир» один душевой надел включал в себя 15 десятин, а у «тептярей» – 7 десятин [5, д. 487, л. 491–520об.]. Аналогичные процессы можно наблюдать в каждой из обследованных губерний Среднего Поволжья и Приуралья. Невысокая представительность опросных

листов Отдела земельной статистики не позволяет выделить общие закономерности в распределении наделной крестьянской земли, скорее свидетельствует о крайне пестроте этого показателя. Вместе с тем различные нюансы подобных процессов часто не отражены в других источниках, тем более на низовом уровне.

Общеизвестно также, что часть крестьян, не удовлетворенная земельной теснотой, пыталась решить эту проблему путем увеличения собственных наделов, приобретая землю в собственность. Отдел земельной статистики ЦСУ прямо устанавливал зависимость между величиной душевого надела и интенсивностью покупок земли. Если в среднем, по данным анкет, удельный вес селений с купчей землей составлял около 54 %, то в районах с минимальным наделом (Центрально-Земледельческий, Центрально-Промышленный, Приозерный) он поднимался до 60–70 % и, наоборот, в наиболее обеспеченных землей районах опускался едва ли не в два раза по сравнению с общероссийскими показателями. Исключение из этого правила составляли лесные северные и восточные районы. В интересующих нас Среднем Поволжье и Приуралье подмеченная выше тенденция прослеживается вполне отчетливо. В первом случае купчие земли имели 52 % селений (по данным 178 анкет), во втором – 24 % (по 135 анкетам) [2, с. 133–134].

Вопросы пятого пункта опросного листа позволяют не только выявить факты приобретения земли, но и определить соотношение купленных участков единолично или товариществами и удельный вес домохозяев каждого селения, принявших участие в этой процедуре. Как правило, единоличные покупки земли по количеству сделок преобладали над коллективными. Однако однозначные выводы в данном случае могут исказить действительное положение вещей. Анкеты ЦСУ показывают большое многообразие в движении купчих земель даже на уровне отдельного сельского общества. Дополнительные участки могли приобретаться целыми общинами как в виде товарищества, так и единолично, частями селений по обоим названным принципам, при этом в одном населенном пункте могли находиться и индивидуальные, и коллективные собственники или несколько последних. Данное обстоятельство хорошо иллюстрируется данными по Средневолжскому району, где из общего количества селений с купчими землями та их часть, которая располагала единолично купленными участками, составляла 96 %, с товарищеской землей – 35 % [2, с. 133]. В 35 анкетах по Самарской губернии было зафиксировано

23 случая наличия дополнительной земельной собственности, в том числе 17 случаев единолично купленных земель и 11 – приобретенных товариществами [5, д. 486, л. 103–108об., 257–355об.]. В селе Семеновка Вольносолянской волости Бугурусланского уезда названной губернии при наличии фонда купчих земель к индивидуальным владельцам относился всего один двор, а в составе товарищества, расположенного по соседству, значилось 40 дворов или «12 1/2 части» всех дворов. В слободе Ключи той же волости «единоличников» насчитывалось 5 дворов, а коллективных землевладельцев – «3-я часть населения» [5, д. 486, л. 278–286об.]. Можно привести примеры, характеризующие соотношение индивидуально и коллективно приобретенных земель с точностью до наоборот, но они будут находиться в явном меньшинстве. Говоря другими словами, количество крестьянских дворов, принявших участие в покупках дополнительных земельных участков в коллективе доминировало, что объясняется и рациональными факторами, и историческими сложившимися традициями хозяйствования на земле. Эту тенденцию показывают усредненные данные по РСФСР и крупным регионам. В Среднем Поволжье удельный вес селений, в которых индивидуально приобрели землю половина и более домохозяев того или иного населенного пункта, составил, по данным опроса, 9 % всей совокупности этой категории частновладельцев, а аналогичный показатель по товарищеским покупкам равнялся 47 %; в Приуралье соответственно: 24 и 50 % [2, с. 133].

Еще одним вариантом решения земельного вопроса для русского крестьянства в дореволюционный период, также прослеживаемого по сведениям добровольных корреспондентов, был переход к участковому землевладению, активизировавшийся с началом столыпинских аграрных преобразований. Организации и функционированию хуторов и отрубов до 1917 года были посвящены вопросы двух пунктов опросного листа: 12 и 13 [5, д. 487, л. 479–482об.]. Это не случайно, поскольку Отдел земельной статистики интересовало самостоятельное, не в составе общины, владение землей, организованное как на бывших наделных площадях, так и возникшее на «банковских, казенных и т.п. землях».

Как показали анкеты ЦСУ, в районах Среднего Поволжья и Приуралья выход части крестьян на хутор или отруб в начале XX века был обыденным явлением. По некоторым критериальным показателям этот процесс здесь даже опережал темпы по другим регионам Европейской России, но в целом скорее свидетельствовал о тенден-

циях и уровне развития сельскохозяйственного производства и сложившейся хозяйственной отраслевой специфики каждого региона. Так, наличие участкового землевладения на наделных землях, при среднем по стране показателе в 16 %, было отмечено в виде хуторов в 24 % селений Средневолжского района, в виде отрубов – в 23 % (по данным 182 опросных листов). В Приуральском районе эти показатели выражались в 16 и 8 % (по 124 опросным листам) [2, с. 136].

Вместе с тем наличие уточняющих вопросов опросных листов свидетельствует, что успехи аграрной реформы, связываемой с именем П.А. Столыпина, следует оценивать очень осторожно, в совокупности с информацией других источников статистического ряда. И в 12-м и в 13-м пунктах анкеты предлагалось ответить на вопрос о количестве крестьянских хозяйств, покинувших общину. Ответы поступали в разной форме, наряду с цифровыми показателями многие добровольные корреспонденты использовали неопределенные критерии. В итоге, по подсчетам Я. Бляхера, например, удельный вес селений, из которых случаев выделов хуторов (речь идет о наделных землях) было «много» или «мало», определялся: для Среднего Поволжья в 14 и 86 % (по 42 ответам анкет), для Приуралья – в 11 и 89 % (по 18 ответам). При этом не было ни одного случая, когда на хутора выходило все селение, притом что в Центрально-Земледельческом районе таковые составляли 5,2 % их общего количества, в Центрально-Промышленном районе – 13,1 % [2, с. 136]. В то же время совсем не редкостью был выход всей деревни на отруб. Такие факты зафиксированы по большинству изученных нами губерний и областей, в том числе не вошедших в разработку Отдела земельной статистики (деревня Горкино Силинской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии, село Подбельское Подбельской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии и др. [5, д. 486, л. 109–111об., 272–274об.]). Несколько особняком здесь выступают поселки переселенцев, прибывших из разных районов бывшей Российской империи и сразу же становившихся собственниками личных земельных паев.

Вообще судить о соотношении хуторского и отрубного землевладения по интересующему нас источнику очень сложно, т.к. анкеты ЦСУ дают сведения только о хуторах, образованных на вненаделных землях. В средневолжской деревне они были зафиксированы в 9 % селений, давших ответ на этот вопрос (по 151 первичному показанию), в приуральской – в 7 % (по 112 ответам) [2, с. 136]. Разработ-

чики опросного листа опустили аналогичный вопрос об отрубам. Между тем общеизвестно предпочтение, которое отдавало общинное прежде российское крестьянство в случае индивидуализации землевладения отрубам перед хуторами. Этот казус существенно снижает информативные возможности анкет ЦСУ по данной проблеме.

Последние два блока вопросов листов Отдела земельной статистики, посвященных сбору сведений о земельных отношениях до 1917 года, касались характеристики некрестьянского, по терминологии более позднего времени – «нетрудового», землевладения, а также особенностей дореволюционной внутриселенной передельной практики [5, д. 487, л. 479–482об.]. Каждый из блоков представляет несомненный интерес как сам по себе, так и в особенности в контексте последующей передвижки земельного фонда (в первом случае) или же в комплексном сопоставлении с послереволюционными аналогичными данными (второй случай).

Специальный вопрос был выделен для помещичьего землевладения, причем не в абстрактной форме, а с указанием на его количественные характеристики (размер), правда, в неопределенных показателях, владельцев и характер эксплуатации угодий (ведение собственного хозяйства или сдача в аренду крестьянам). Менее подробно требовалось осветить прочие формы некрестьянского землевладения: казенные, банковские, монастырские, церковные и др.

В завершение отметим тщательность и продуманность пункта 11 анкеты о механизме перераспределения наделной земли между односельчанами. Восемь его вопросов затрагивали буквально все аспекты этого важнейшего регулятора жизнедеятельности традиционных сельских сообществ России: виды, сроки переделов, разверсточные единицы и другие составные компоненты общей картины сложно организованного дореволюционного поземельного устройства и каждого отдельного населенного пункта и более крупных образований вплоть до экономико-географических районов включительно. Все это в совокупности с прочими обозначенными здесь пунктами названного раздела анкеты ЦСУ 1922 года свидетельствует о потенциальных возможностях расширения документальной базы по истории мобилизации земельной собственности в дореволюционной деревне Среднего Поволжья и Приуралья.

Библиографический список

1. Иванов А.А. Аграрные преобразования в России в 1917 – начале 1920-х годов. Источниковедческие очерки (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010.
2. Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 года // Вестник статистики. 1923. Кн. XIII. № 1–3. С. 131–152.
3. Анкеты ЦСУ РСФСР о землепользовании в Марийской автономной области (1922 год). Сборник документов / сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2004.
4. Иванов А.А. Опросные листы Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 года как источник по истории аграрной революции в деревне Марийского края // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара, 2007. С. 319–325.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 9. Д. 479–489.